

Аннотация

В этой статье автор рассматривает архетипные коды воды в сюжетах современной украинской драматургии. Анализируются пьесы О. Волошиной “Эльза. Притча о любви”, “Еще одна притча о любви (Марта)”.

Ключевые слова: сюжет, архетип воды, море, любовь.

Summary

In this article the author investigates the archetypes codes of water in the plots of modern Ukrainian drama. To the analysis of the play “Elsa. Fo love”, by L. Voloshina, “One more love story (Marta)”.

Keywords: plot, archetype of water, code, time, sea, love.

УДК 821.161.2:398. 22“18”

Тверитинова Т.И.,

кандидат филологических наук,
Киевский университет имени Бориса Гринченко

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ВОДНОЙ СТИХИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Трудно назвать другой город, который с момента своего основания был овеян таким множеством легенд и в таком эмоциональном диапазоне, как Петербург. Едва ли не одновременно с темой Петербурга в литературно-общественном сознании XVIII века начал складываться миф о столичном городе, легенда о его призрачности, нереальности, чужеродности, а, значит, и неминуемой гибели. Бытовавшее лишь в городском фольклоре XVIII века негативное восприятие северной столицы прочно вошло и укрепилось в литературе XIX века, что прослеживается в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и многих других писателей. Петербургский текст как таковой сформировался в русской литературе на рубеже 20–30-х годов, и связано это было не с предшествующей литературной традицией, воспевающей величие и красоту Северной Пальмиры, а с городским фольклором, пропитанным верой в возможность таинственных явлений на реальной почве и предрекающим городу гибель от водной стихии.

Начало исследования петербургской климатической специфики и ее места в городской мифологии было положено П.Н. Столпянским (“Санкт-Питер-бурх”) и Н.П. Анциферовым (“Душа Петербурга”, “Быль и миф Петербурга”). В современном литературоведении при чрезмерной популярности и востребованности исследований о петербургском тексте русской литературы (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, М.В. Безродный, Р.Д. Тименчик, Р.Г. Назиров, Т.И. Агаева) мы вынуждены констатировать, что проблема мифологизации водной стихии, наводнения чаще всего носит декларативный характер, растворяясь в неизмеримо обширной и разнообразной литературе о петербургской мифологии. Этим и обусловлен выбор нашего исследования.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить и систематизировать тенденции к мифологизации петербургской специфики – наводнений – в творчестве русских писателей XIX века, степень их контакта с фольклорной традицией, а также проследить бытование мифологического истолкования наводнений в литературе XIX века.

В народных сказаниях XVIII века, в староверческих пророчествах, в неофициальном устном творчестве осуждался Петр, создатель города на пустынном берегу Финского залива, невероятные жертвы при строительстве (по подсчетам датского посла, 60 тысяч погибших), и стремление царя навязать России новую столицу, четвертый Рим в противовес добропорядочной Москве. Причем, “великого плотника” не останавливали предупреждения: как устные пророчества, так и наводнения. Из уст в уста передавали фразу царицы Авдотьи Лопухиной о судьбе нового города, которая впоследствии приобрела каноническую форму: “Петербургу быть пусто”. По мнению исследователя Р.Г. Назирова, “традиция религиозно-политической мысли, идущая от старца Филофея, соединилась с анимистическими верованиями финнов, помнивших грандиозное наводнение 1691 года, которое затопило всю дельту Невы” [7, 123]. Однако представление о греховности Петербурга и ожидаемое наказание в народном сознании было связано не столько с природной спецификой, сколько с деятельностью Петра, Антихриста и самозванца. Вот почему слова опальной царицы имели в народе такой резонанс.

Н.П. Анциферов отмечает, что петербургская легенда как социальный протест в фантастической форме – это “новый вариант древнего космогонического мифа”, ссылаясь на халдейские предания и библейский текст [1, 24]. Однако Р.Г. Назиров уточняет: “К чему вспоминать Мардук и Тиамит, Левиафан и Новый Иерусалим, если гораздо ближе стоят средневековые сказания об ушедших под воду городах Лионнесе в артуровском цикле, Винете в славянско-немецких преданиях, Китеже в русских легендах?” [7, 123].

Наиболее ярко выразилось неприятие Петербурга и предсказание его гибели в духе библейской эсхатологии в творчестве писателей-романтиков В.С. Печерина (“Торжество смерти”), М.А. Дмитриева (“Подводный город”), А.И. Одоевского (“Стихи о наводнении”). Причем наводнение воспринималось поэтами как социальный символ, значение которого раскрывалось в контексте полемики Петербурга и Москвы. Так, у В.С. Печерина город – преступный, порождение деспотизма, и не он покорил стихию, а она, торжествуя, несет ему наказание и страшную гибель. Поэма заканчивается картиной затопления города разбушевавшимся морем. А в стихотворении М.А. Дмитриева основной фон – затопленный город (по аналогии с Китеж-градом). Как и прежде, здесь простирается дикое болото, и только шпиль от колокольни, торчащий над водой, напоминает о затонувшем городе.

Наиболее разрушительное наводнение произошло 7 ноября 1824 года, в результате которого погибло пятьсот человек, а городу был нанесен большой

ущерб. Польский поэт А. Мицкевич, прибывший в этот день в Петербург, отразил его в “Дзядях”, отрывке части III (глава “День перед петербургским наводнением. 1824. Олешкевич”), где предсказывается греховному городу судьба “развратного Вавилона”.

В 1832 году А.С. Пушкин познакомился с произведением А. Мицкевича, а в 1833 году появился “Медный всадник” как собственное видение поэта российской истории и личности Петра I сквозь призму петербургского наводнения. Две идейно и композиционно неравные части произведения, на которые давно обратили внимание литературоведы, являют собой два разных облика столичного города: Петербурга вступления и Петербурга собственно поэмы, и каждая из этих частей по-своему связана с водной стихией. Части эти и в печати появились не одновременно: вступление как отрывок из поэмы под названием “Петербург” было напечатано в 1834 году и во многом способствовало укоренению мнения о Пушкине как певце “Петра творенья”, в то время как трагический Петербург собственно поэмы предстал перед читателями уже после смерти поэта.

Петербургский миф из вступления своими заключительными строками, названными М.П. Ереминым “собственно одой” [4, 185], –

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;*

*Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетно злобою не будут*

Тревожить вещей сон Петра [11, 174] –

завершал традицию официальной литературы XVIII века, когда поэты от Ф. Прокоповича до Г. Державина славил Петра и построенный им город. Исследователь Л.В. Пумпянский, выделяя три формулы, восходящие к классицистической литературе предшествующего века – “из тьмы лесов, из топи блат”, “где прежде... там”, “прошло сто лет” – с удивлением обнаружил, что все три одновременно они не встречаются ни в одном одическом тексте [10, 123]. У Пушкина, как в квинтэссенции, нашли отражение официальные петербургские мифы, объединенные в одно целое: “Строитель чудотворный” (“Здесь будет город заложен”), “Окно в Европу” (“корабли Толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся”), “Москва и Петербург” (“И перед младшею столицей / Померкла старая Москва”), “Северная Пальмира” (“Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия”. Поэма пронизана темой Петра, “мощного властелина судьбы”, который “уздой железной Россию поднял на дыбы” [11, 182]. Тенденция Пушкина к мифологизации Петра очевидна: ни во вступлении, ни в собственно поэме он не называется по имени, не дает автор и его портрет, что является важнейшим признаком сакрального текста, в частности – Библии. Однако, как уточняет И.В. Немировский, наряду с запрещением имени Бога и любого его изображения “запрещалось произносить имена кумиров, идолов, т.е. ложных богов; особенный грех – отнесение святого имени к объекту, который не обладает святостью” [8, 7]. Во Вступлении Петр богоподобен, ибо обладает чудесной волей побеждать стихию (ср. “И сказал Бог: да будет свет. И стал свет” – Бытие, 1:3).

Однако Петр выступает не только как победитель стихии, но и строитель города, что вызывает еще одну мифологическую ассоциацию: первым библейским строителем города, как известно, был Каин (Бытие, 4:7). Преступное прошлое мифологического героя позволяет предполагать, несомненно, преступные действия “строителя чудотворного” в обращении с “человеческим материалом”. Данное сопоставление выступает промежуточным звеном в процессе десакрализации Петра. В собственно поэме он предстает уже не как богочеловек, а как статуя, медный всадник. На фоне зловещей картины разгулявшейся стихии он представляется апокалипсическим всадником, связанным в Библии с эсхатологическим исходом.

Сознательная установка на мифотворчество, использование традиционных библейских сюжетов и образов подтверждает стремление Пушкина к достижению сходства ситуаций литературного произведения с известными мифологическими. Пушкин не случайно создает петербургскую повесть о наводнении – тем самым подтверждается ее идейная и философская направленность: показать Петербург не в расцвете цивилизации, а в начале и падении. Тема города, обреченного на гибель за поклонение ложным божествам и кумирам их, пронизывает книги пророков Иезекииля, Иеремии, Наума, Захарии, Аввакума, Ездры: “*О, ты, живущий при водах великих, избилующий сокровищами! Пришел конец твой, мера жадности твоей*” – Иеремия, 51:53.

Однако не следует забывать и петербургские народные сказания, в которых городская мифология была тесно связана с эсхатологией. О контакте Пушкина с петербургской легендой свидетельствует введение в описание картины наводнения детали, столь излюбленной в городском фольклоре, – возвращающихся гробов с покойниками к своим обидчикам и веселым вдовам. В контексте это звучит так:

<i>Лотки под мокрой пеленой,</i>	<i>Грозой снесенные мосты,</i>
<i>Обломки хижин, бревна, кровли,</i>	<i>Гроба с размытого кладбища</i>
<i>Товар запасливой торговли,</i>	<i>Плывут по улицам! Народ</i>
<i>Пожитки бледной нищеты,</i>	<i>Зрит Божий гнев и казни ждет [11, 177].</i>

Здесь находит свое воплощение идея обреченности и торжества стихии, подтверждающая эсхатологический миф об “эксцентрическом городе”. Однако последняя строка приведенного отрывка противоречит петербургской легенде: стихия выступает не мифическим союзником народа, а враждебной силой: “*народ зрит Божий гнев и казни ждет*”. Следовательно, наводнения, как и “*шестьдесят тысяч погибших на строительстве, входили в расчет победы Петра*” [7, 129].

Пушкин в своем произведении сознательно смещает акцент петербургской легенды: протестует не природная стихия, а маленький человек. В произведении наблюдается четкое пространственное “мифологическое” противопоставление центра и периферии. Герой живет на окраине города – в Коломне, любит девушку с Васильевского острова (другой окраины), мечтает о счастье, пока не попадает во время наводнения на центральную площадь с памятником Петру. Здесь мы

находим еще одно важное подтверждение мифологического союза Петра и стихии: сокрушительный удар был нанесен окраинам, в частности, Васильевскому острову, где жила его невеста с матерью, центр же был относительно пощажён, что и спасло Евгения. Однако и его спасение можно считать относительным: он совершенно выпадает из привычного уклада жизни города, оправившегося после наводнения.

Тема петербургского наводнения и установка на эсхатологию прослеживается в творчестве М.Ю. Лермонтова. Причём специфика петербургского ландшафта, крайнее местоположение, близость к воде способствовали фольклорному представлению о неминуемой гибели города в библейской интерпретации – от наводнения. Как вспоминал В.А. Соллогуб, «Лермонтов любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого поднималась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом» [5, 211–212]. Рисунки эти, к сожалению, утраченные, исследователь живописи поэта Н. Пахомов определил как «виды наводнения в Петербурге» [5, 211]. Безусловно, тема петербургского наводнения 1824 года, столь глубоко развитая в пушкинском «Медном всаднике», интересовала и Лермонтова. До сих пор в литературоведении остается открытым вопрос об авторстве приписываемого поэту стихотворения «Наводнение», в котором это событие являлось аллегорическим изображением восстания 1825 года. Художественное несовершенство этого текста не позволяет исследователям делать окончательные выводы, но, несомненно, что первые четыре строки:

*И день настал, и истощилось
Долготерпение судьбы,
И море с шумом ополчилось
На миг решительной борьбы [1, 91]*

принадлежат перу Лермонтова и отражены в его рисунках [2, 446–447]. Однако, как справедливо считает Ю.М. Лотман, виды разъяренной стихии следует понимать глубже, сквозь призму библейской мифологии: «речь идет об эсхатологических картинах гибели города, а не о видах наводнения» [6, 31].

В творчестве В.Ф. Одоевского («Пестрые сказки») прослеживается миф о «строителе чудотворном», стилизованный под финский эпос. Идею нереальности Петербурга, построенного на сваях, подтверждает введение автором в нарративную систему повести «Саламандра» мифа об основании города Петром: «Царь собрал своих вейнелейсов (русских – Т. Т.) и говорит им: «Постройте мне город, где бы мне жить было можно, пока я корабль построю». И стали строить город, <...> но болото все в себя принимает, и наверху земли одна топь остается. Между тем царь соорудил корабль, оглянувшись: смотрит, нет еще его города. «Ничего вы не умеете делать», – сказал он своим людям и с сим словом начал поднимать скалу за скалой и ковать на воздухе. Так выстроил он целый город и опустил его на землю» [9, 151]. Как видим, повествование о городе, вырубленном из скал и скованном на воздухе, оправдывало бытующее

представление в русском обществе 30-х годов о петербургском пространстве как призрачном и фантазмагорическом.

Неестественность расположения столичного города и поклонение ложным идолам позволяло романтическому воображению В.Ф. Одоевского представлять Петербург в космогоническом, а не бытовом плане. Чисто петербургская специфика – наводнение – рассматривалась писателем как высший суд, восходящий к библейской мифологии. Апокалипсическая картина разбушевавшейся водной стихии, побеждающей камень, дополняется мотивом возвращающихся мертвецов в жестокий мир суетной жизни (“Насмешка мертвеца”). Смерть как новая форма бытия позволяет им увидеть в истинном свете то, чему они поклонялись в жизни (город, женщина), и посмеяться над ним.

Представление о Петербурге как о призрачном городе, наполненном живыми мертвецами, в своей эсхатологической окрашенности связывалось у В.Ф. Одоевского с предчувствием неизбежности его гибели. Подобное видение обреченного города найдет свои отголоски в литературе второй половины XIX века, в частности, в творчестве Н.А. Некрасова и Ф.М. Достоевского, и более ярко проявится в блоковском цикле о “страшном мире” начала XX века.

В процессе мифологизации петербургской действительности Е.П. Гребенка обращается к субстратам духовно-культурной сферы города, из которых можно выделить были, предания и различные варианты спиритуализации. Благодатной почвой для их возникновения служил петербургский фольклор XVIII–начала XIX века и, в частности, наиболее повторяющийся мотив – приплывающие во время наводнения мертвецы в гробах к своим обидчикам для вершения посмертного суда. О контакте Е.П. Гребенки с петербургскими народными сказаниями свидетельствует рассказ “Перстень” с подзаголовком “Петербургская быль”, в сюжет которого введен подобный эпизод. Герой рассказа нарушает последнюю волю своего отца, сняв с руки покойного перстень с алмазом. Однако его преследуют ночные кошмары: отец приходит и требует свою вещь, а во время разыгравшегося наводнения приплывает в гробу прямо в дом. Созданная писателем картина разбушевавшейся стихии и плывущих по улицам гробов напоминает картину Страшного суда, и герой это осознает особенно. Постепенно суживающееся пространство (город–дом–комната) способствует нагнетанию ужаса в душе Василия, страх ожидания нового посещения отца достигает своей кульминации, и герой лишается рассудка. Обращает на себя внимание этимологическая близость слов узость–ужас, что сближает петербургскую быль с мифопоэтическими текстами, насыщенными этимологической игрой.

Многие компоненты рассказа Е.П. Гребенки связаны, на первый взгляд, с романтической традицией (вспомним мертвецов, грозящих пальцем живым, героев, сходящих с ума, и т.д.). Однако у Гребенки сквозь мистику проступает фантастическая угроза как воплощение идеи нравственного возмездия. Подзаголовок рассказа уже заключает в себе специфику этого противоречия: быль, но **петербургская** (выделено мной – Т. Т.), то есть, в этом городе вполне реальны

подобные странные и невероятные события. Описание картины страшного наводнения и появления гроба с покойником-отцом в комнате героя Гребенка сопровождается реалистическим замечанием о плавающих гробах с размытых водой кладбищ, что часто приходилось наблюдать петербуржцам. Параллельно с народными представлениями о наводнении писатель разрабатывает тему преступления и наказания человека, поддавшегося соблазну. Если Петербург, переживший наводнение, вновь отстраивается и становится прежним, то герой еще долго будет нести нравственное искупление за свой поступок.

В творчестве Ф.М. Достоевского – “самого петербургского писателя” – прослеживаются гоголевские традиции восприятия столичного города: фантастика пошлого быта и обыденной жизни неприметных людей, окрашенная в эсхатологические тона. Интерес к водной сфере конкретизируется в туманах, осадках (дождь, снег), осознании нереальности жизни в городе на болоте, без корней. У Ф.М. Достоевского, как и у Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова, Я.П. Полонского мы находим не разбушевавшуюся водную стихию, несущую апокалипсическую угрозу, а вполне статичный образ финского болота, которое сомкнется над исчезнувшим городом. У Д.В. Григоровича предчувствие гибели города связано не с наводнением, а с медленным торжественным замерзанием и превращением в последний круг Дантова ада.

Как видим, мифологизация водной стихии в петербургском тексте русской литературы XIX века наиболее ярко проявилась в 20–30-е годы – период его формирования и утверждения, когда активный контакт с фольклорной традицией вносил исторические уточнения и дополнения, насыщенные мотивами из библейской эсхатологии. Из всех писателей только А.С. Пушкин сумел не просто написать повесть о петербургском наводнении, а увидеть и осознать столичный город в историко-философском осмыслении, завершить традицию классицистической литературы, прославляющей Петра и его город, утвердить пришедшее из городского фольклора эсхатологическое представление о северной столице и создать на его основе литературный миф.

Литература

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг. : Брокгауз-Ефрон, 1922. – 227 с.
2. Вацуро В. Э. Приписываемое Лермонтову / В. Э. Вацуро, О. В. Миллер // Лермонтовская энциклопедия / [гл. ред. В. А. Мануйлов]. – М. : Сов. Энциклопедия, 1981. – С. 446–447.
3. Долгополов Л. К. На рубеже веков : о русской литературе конца XIX – начала XX века / Л. К. Долгополов. – Л. : Сов. писатель, 1985. – 352 с.
4. Еремин М. П. “В гражданстве северной державы ...” (из наблюдений над текстом “Медного всадника”) / М. П. Еремин // В мире Пушкина. – М. : Сов. писатель, 1974. – С. 150–207.
5. Лит. наследство. – М. : АН СССР, 1943. – Т. 45–46 : М. Ю. Лермонтов. – 802 с.
6. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры : Петербург : труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.

7. Назиров Р. Г. Петербургская легенда и литературная традиция / Р. Г. Назиров // Традиции и новаторство. – Уфа, 1975. – Вып. III. – С. 122–135.
8. Немировский И. В. Библейская тема в “Медном всаднике” / И. В. Немировский // Рус. лит. – 1990. – № 3. – С. 3–17.
9. Одоевский В. Ф. Русские ночи : Саламандра / В. Ф. Одоевский // Сочинения князя В. Ф. Одоевского : в 3 ч. – СПб. : Изд. книгопродавца Иванова, 1844. – Ч. 1. – С. 48–66.
10. Пумпянский Л. В. “Медный всадник” и поэтическая традиция XVIII века / Л. В. Пумпянский // Пушкин : временник Пушкинской комиссии. – М.-Л. : АН СССР, 1939. – Вып. 4–5. – С. 91–124.
11. Пушкин А. С. Медный всадник / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Сочинения в 3 т. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 2. – С. 172–184.

Аннотация

В статье рассматривается мифологизация водной стихии (наводнения) в петербургском тексте русской литературы XIX века. Прослеживается влияние фольклорной традиции, воспринимающей особенности петербургского климата и ландшафта, личность Петра I и построенный им город сквозь призму библейской эсхатологии. Выясняется пик тенденции к мифологизации, совпадающий с периодом формирования петербургского текста в 20–30-е годы XX века, что наиболее отразилось в творчестве А.С. Пушкина.

Ключевые слова: петербургский текст, петербургская легенда, городской фольклор, космогонический миф, эсхатология.

Анотація

У статті розглядається міфологізація водної стихії (повені) в петербурзькому тексті російської літератури XIX століття. Простежується вплив фольклорної традиції, що сприймала особливості петербурзького клімату і ландшафту, особистість Петра I і побудоване ним місто крізь призму біблійської есхатології. З'ясовується пік тенденції до міфологізації, що припадає на період формування петербурзького тексту в 20–30-ті роки XIX століття, що найбільше відбилось в творчості О.С. Пушкіна.

Ключові слова: петербурзький текст, петербурзька легенда, міський фольклор, космогонічний міф, есхатологія.

Summary

The article focuses on the mythological conceptions of the natural element of water (specifically floods) in the St. Petersburg text of the Russian literature of the 19th century. A definite influence of folklore traditions can be traced within the text, which showing the characteristics of the St. Petersburg climate, landscape and the figure of Peter the 1st through the prism of biblical end-of-the-world ideas. The peak of the tendency towards mythologizing is revealed to coincide with the period of the formation of the St. Petersburg text, which can be seen most vividly in the works of Pushkin.

Keywords: mythological conception, urban folklore, St Petersburg text, eschatological conception, legendary tradition of St Petersburg.